
Александр Федорович Котс

Дмитрий Яковлевич Федулов и его работы в Дарвиновском Музее.

На очереди рассмотрение деятельности последнего, самого младшего из замечательной семьи безвестных скромных тружеников на музейном фронте.

Осень 1910-го года. В мастерской скончавшегося годом раньше знаменитого художника- натуралиста **Лоренца** — впервые появилась робкая фигура мальчика-подростка, сына давнего мастера Якова Евтихиевича **Федулова**, 14-тилетний **Митя**, только что прибывший из родной деревни для продолжения «династии» наследственных таксидермистов-препараторов **Федуловых**.

Три года ученичества под руководством подлинных профессионалов приобщили юношу к основам Лоренцевского мастерства: не только самой технике, но, что не менее существенно, — глубокой добросовестности в выполнении работ, в законченном, готовом виде ускользающих от должного контроля и фактической проверки.

Привлеченный в 1914-ом году к работам в **Дарвиновском Музее** молодой **Федулов** начал таковые с монтировки небольших зверьков и птиц.

В отличие от своего талантливой дяди, «спеца» по слонам, племянник начал оперировать с самыми мелкими, миниатюрными созданиями, как то показывает фотография, изображающая пальцы молодого препаратора, усердно занятые препарированием Колибри, — этих самых мелких современных птичек.

Переделав их многими сотнями, пройдя на них хорошую, хотя и утомительную школу наблюдательности и терпения, наш молодой **Федулов** перешел затем на монтировку более ответственных объектов — сотен одомашненных животных, бывших ранее подопытными в Зоосаде, в годы заведования им автором.

Десятки опытов по скрещиванию разных пород кур, уток, голубей, крыс, кроликов и морских свинок, — опытов, наглядно закрепляющих ряд основных, элементарных правил, или норм наследственности, были зафиксированы через сохранение самих подопытных животных в первоклассных препаратах.

Лишь знакомые практически — подобно пишущему эти строки — с техникой препаровального искусства, знают, как неблагоприятны для монтажа именно домашние животные, и всего прежде **Куры** среди птиц, и **Кролики**, или **Морские Свинки** из млекопитающих. Лишь многолетним и настойчивым трудом наш молодой **Федулов** преуспел и в этой области, при постоянном пользовании живой натурой, фотоснимками и зарисовками с живых животных.

В результате первого десятилетия работ Дмитрия Яковлевича многие сотни препаратов одомашненных животных, вышедших из его рук, легли в основу одного из наиболее оригинальных подотделов **Дарвиновского Музея**, — посвященного документальной и оригинальной иллюстрации значения скрещивания для образования новых подпород животных.

Но, как в области самой науки, дарвинисты перекидывают мост от опытных делянок и вольер и клеток одомашненных животных к вольным обитателям лесных просторов, так и в **Дарвиновском Музее**, призванном отобразить основы Дарвинизма, предстояло перейти от демонстрации домашних кур и уток, голубей и кроликов, — к отображению изменчивости диких форм млекопитающих и птиц.

Именно эта часть экспонатуры оказалась наиболее значительной и благодарной.

Не в пример громаднейшему большинству музеев биологии, привыкших предъявлять своему массовому зрителю общеизвестные в науке факты и явления, — в музее **Дарвина** имеется не мало материала, абсолютно неизвестного еще в науке, или не успевшего войти в учебники и сводки, или популярную литературу.

К этим ценным и порою уникальным материалам должно всего прежде отнести две группы.

А. Собиравшиеся с первых лет после Октябрьской Революции примеры, или образцы изменчивости пушных животных.

В. Подобранная за время целого столетия коллекция различных «выродков» тетеревиных птиц.

Те и другие, как пушные звери, так и птицы требовали срочной монтировки: первые — за состоянием шкур (невыделанных и снятых «промысловым» способом), вторые — из за архаичности монтажа, угрожавшего не только эстетическому восприятию, но и неотвратимой гибелью самих объектов из за недостаточной протравы чучел мышьяком.

И там, и здесь Д.Я. **Федулов** в совершенстве справился с этой задачей, исключительно ответственной, поскольку дело шло об уникальных экземплярах, абсолютно невозможных в случае их порчи и утраты.

Начинаем с рассмотрения **пушных животных** и берем особо-показательный пример: **Изменчивость Лисиц**.

В двух отношениях этот общеизвестный хищник привлекал внимание **Дарвиновского Музея**: как пример необычайного обилия личных уклонений и как образец географической изменчивости под различными широтами.

Из необъятных партий лисьих шкур, свозившихся миллионами со всех концов Союза на Центральный Склад **Союзпушнины**, удалось за тридцать лет работы с «Холодильником» собрать единственные в мире серии мехов, наглядно поясняющих громадную изменчивость окраски и размеров тела этих хищников в различных пунктах их обширной родины, от Минска до Амура, от Архангельска до Ашхабада.

Не входя, однако, в собственно научную трактовку данного явления, ограничимся вопросом о его музейном претворении, и при том для массового, рядового зрителя, а не зоолога-специалиста.

В отношении последнего, вопрос о «Методике Показа», строго говоря не существует. Совершенно также, как рабочий-сортировщик Холодильника определяет «кряж» и «сорт» лисицы при любом ее показе, руководствуясь характером мездры и родом правки, совершенно также и специалист-зоолог разбирается в материале, собранном любым путем и независимо от метода монтажа.

Но совсем иное дело для широкой массы рядового зрителя. Здесь слово «**Как?**» не менее значительно, чем слово «**Что?**». Самые яркие проблемы в области науки искусства можно заглушить бездарным, неумелым и неопытным показом, и, наоборот, ничтожные детали, чтобы не сказать уловки демонстрации способны колоссально увеличить действенность, доходчивость показа.

В пояснение сказанного обратимся к фактам.

Перед нами две аналогичных по составу серий все того же хищника — *лисицы*.

Одна содержит чучела этого хищника, смонтированные в различных положениях и позах: стоя, сидя, на ходу с различным поворотом головы и разной постановкой ног.

Вторая — состоит из чучел, совершенно одинаково смонтированных: сидя с поворотом вправо и с хвостом, обернутым кольцом у основания лап.

Различная доходчивость обеих групп ясна для самого неопытного человека.

Перед нами — лишний образец уже знакомого «серийного» показа и его задачи: концентрировать внимание зрителя лишь на определенных признаках при сознательном отодвигании и погашении всех прочих черт.

Элементарная до крайности, эта идея — концентрация внимания на одном руководящем признаке при серийном предъявлении объектов есть нечто иное, как развитие принципа идеологического, нормативного показа, замещения демонстрации предметов, таковой идеи, отношения, процессов.

Не **лиса**, как таковая, взятая со всеми ее свойствами и атрибутами, но лишь один, определенный признак, именно окраска, или разные размеры тела, — вот, что надлежит конкретно, вещно выявить на данной серии животных, в данном именно контексте и за счет всех прочих признаков, или отличий, подлежащих максимальному «психическому погашению».

Однако, безусловная по эффективности, являясь в некотором смысле высшим методом музейного показа, эта форма «серийной экспозиции» на данном материале представляет исключительные трудности при проведении ее на практике.

При явной невозможности собрать весь нужный материал научно-экспедиционным способом, лисицы эти добывались исключительно в порядке массовых промышленных заготовок, т.е. в состоянии, мало, а отчасти и совсем не отвечающим требованиям препаратов.

Лишь от искусства, от умения и рвения последнего зависело переработать эти драные и рваные, некаштенные шкуры в серии правдивых и художественных экспонатов.

В этих именно работах по переводению продуктов промысла на положение научно-художественных экспонатов Дмитрий Яковлевич проявил большое мастерство, успешно сохранив для **Дарвиновского Музея** сотни величайших редкостей.

Но сказанное о лисицах применимо и ко множеству других пушных животных в их редчайших цветовых вариациях и «морфах»: Белые киты, росوماхи, барсуки, куницы, соболя, хори и выдры, колонки, сурки и белки, возрожденные искусством младшего **Федулова** из шкур, добытых в самых отдаленных уголках Союза, украшают ныне фонды **Дарвиновского Музея** в изумительном подборе, неизвестном для музеев Западной Европы, чтобы не сказать — музеев мира.

В еще большей мере этот «реставрационный» элемент препаровальной техники сказался при работах нашего искусника над птицами и в частности на замечательной коллекции аберративных по окраске оперения **тетеревиных птиц**.

Чтобы понять и оценить значение работы младшего **Федулова** именно в этой области, — два слова о происхождении этих единственных в музеях мира материалах по изменчивости этих хорошо известных промысловых птиц.

Начать приходится издалека.

Центральным, основным вопросом эволюционного учения была и есть проблема изменчивости организмов. И, однако, в наивысшей своей форме, именно в так наз. «Варьететах» наблюдается она не часто, попадаясь в виде колоссальных редкостей, — один на многие миллионы особей, типичных по окраске.

Но не меньшее значение имеют для музея типа **Дарвиновского** гибриды, или помеси животных, изредка и спорадично находимых при естественных условиях и представляющих особый интерес по аналогии с мичуринской теорией гибридизации. Но проводимая так широко и плодотворно под контролем человека, эта «отдаленная гибридизация» — животных разных диких видов и родов — явление необычайной редкости: достаточно сказать, что та коллекция межродовых гибридов, что имеется в музее **Дарвина**, составлена в итоге *векового* собирания и планомерного просмотра нескольких **сот миллионов** экземпляров.

Столь же уникальной следует признать нашу коллекцию тетеревиных птиц по линии петухоперости и куроперости, — аномалий окрасок и структуры оперения, вызванных дефектами процессов внутренней секреции, как регуляторами внешних половых отличий.

Но в отличие от образцовых Лоренцевских экспонатов, все без исключения другие «чучела» были настолько «чучелами», что заведомо и совершенно исключали их показ в музее общеевропейского достоинства, не говоря уже о том, что вследствие неряшливой и неумелой препаровки, представляли бы источник заражения кожейдами и молью остальных коллекций.

Предстояла срочная задача: полностью перемонтировать этот ценнейший по научному значению, но архаичный по монтажу материал, придать ему правдивость, стиль, музейное значение «Лоренцевских» препаратов.

Более того. Просматривая сотни экземпляров чучел, вышедших из рук провинциальных препараторов-любителей и дилетантов, приходилось далеко неординарно сталкиваться и с продуктами скандального характера.

Мы разумею наблюдавшиеся иногда (правда, не часто!) случаи фабрикования «выродков», путем сшивания, комбинирования партий, позаимствованных от совершенно разных птиц, нормальных, или аномальных.

Привлекаемые высотой оплаты, полагавшейся за цветные «выродки», или гибриды, и рассчитывая на безграмотность любителей-коллекционеров, находились предприимчивые люди, «чучелятники-торговцы», мастеровившие мошенническим образом подобные «химеры», разгадать которые возможно было иногда лишь через вскрытие подобных чучел, и установление неполагающихся швов, на шкурках.

Всего чаще эти грубые мистификации касались столь ценных помесей, гибридов Тетерева и Белой куропатки, фабрикуемых путем сшивания отдельных партий оперения обеих птиц, или приставкой к чучелам чужих хвостов, голов и крыльев.

Попадались на такой обман любители-коллекционеры вроде **Любомирского** (в бывшем Екатеринбурге), даже закрепившего в шикарном атласе на меловой бумаге ряд подобных «кунстпродуктов», или **Андре-евского**, бывшего страстного коллекционера, подарившего свое обширное собрание Зоомузею Петербургского Университета.

И неудивительно, что в свое время Петербургский Университет смог уступить нашему **Дарвиновскому Музею** это архаичное собрание, порой столетней давности, включавшее не мало замечательных объектов, но настолько безобразных по монтажу, в такой мере искаженных, что по виду представлялось настоящим «хламом».

Но решиться на ремонт и реставрацию этого «хлама», — уникального со стороны научной — значило идти на риск его распада и развала при его размочке...

Разрешить эту задачу суждено было Дмитрию Яковлевичу **Федулову**, истратившему много лет на реставрацию этих ценнейших для науки, но рекордных по бездарности монтажа, безобразных архаических объектов.

Не считаясь ни с какими «темпами» и «нормами», долгие дни просиживая над одной и той же шкуркой, в свое время толком неподнятой и «полугорелой», наш искусник в совершенстве справился с задачей, от которой отказались бы любые препараторы Европы.

Лишь благодаря усердию, искусству и терпению Дмитрия Яковлевича удалось не только сохранить десятки уникальных экземпляров, этих подлинных редчайших натуральных документов, — но и зафиксировать их фотоснимками для сданной летом 1951 года в **Академию Наук** обширной монографии (проф. А.Ф. **Котс**. — «Проблема Вида в Свете учения о прямом влиянии среды, на изменчивости Тетеревиных Птиц»).

И перелистывая сотни фотоснимков Атласа, приложенного к этой книге, нелегко бывает указать, которые из них изображают экземпляры, добытые и смонтированные в наши дни, и где — объекты более, чем столетней давности и возрожденные их «хлама» дилетантов-«горе-препараторов».

Можно уверенно сказать, что многие из этих реставрированных экспонатов по изяществу, правдивости и свежести монтажа ни в малейшей степени не уступают «Лоренцевским Страдивариусам», сделанным со свежее добытых («на мясе») экземпляров.

Молодым подростком-юношей пришел когда то в наш Музей Дмитрий Яковлевич **Федулов**, чтобы по прошествии уже немногих лет достойно оправдать свою фамилию, как представителя наследственной семьи таксидермистов-препараторов.

Этот успех его тем более достоин быть отмеченным, что за истекшее сорокалетие Дмитрий Яковлевич дважды отрывался от работы для участия в трех войнах: первой империалистической (в так наз. «самокатной» роте), гражданской (мотоциклистом) и Великой Отечественной (добровольцем Фрунзенской ополченской дивизии с первых дней войны, сначала пехотинцем а затем работником Аэродромного батальона..).

Но внося и там, и здесь, на поле брани и в тиши музея в каждую доверенную ему работу все свое усердие, всю добросовестность, Дмитрию Яковлевичу дано было лишь на музейном фронте проявить себя, как выдающегося мастера и знатока своего дела.

Как последний из наследственной семьи таксидермистов-препараторов, этой глубоко дефицитной, вымирающей у нас профессии, Дмитрий Яковлевич может, с гордостью окинув свой большой и многолетний труд, назвать себя одним из главных создателей нашего **Дарвиновского Музея**.

Трижды и безропотно сменив свой мирный труд по созданию его на таковой его защитника на поле брани Дмитрий Яковлевич на примере своей жизни мог наглядно показать, как при труднейших обстоятельствах справляются Советские музейные работники с задачей создания культурных ценностей музея мирового ранга.

И закончим этот краткий очерк деятельности нашего «младшего» **Федулова** с его сорокалетним стажем, остается только пожелать ему дальнейших замечательных успехов в его сложном, свиду, а на деле глубоко-самоотверженном и уникальном творчестве, и приобщения к нему грядущей «смены» препараторов-таксидермистов «Лоренцевской» школы.

Но, однако, говорить серьезно о подобной смене можно будет только с возведением для **Дарвиновского Музея** собственного здания и с привлечением большего внимания и поощрения со стороны правительственных органов к этой сугубо дефицитной, ныне вымирающей профессии таксидермистов-препараторов «московской школы **Лоренца**», заведомо давно опередившей достижения музеев Западной Европы и непревзойденной среди всех музеев мира.

С этой «Сменой» надо торопиться. Следует, пока не поздно, больше оценить и поощрить чудесный труд и опыт наших двух стареющих последних препараторов- профессионалов **Дарвиновского Музея**, наших двух **Федуловых**, — этих по истинно — последних «могикан» редчайшего искусства Лоренцевской таксидермии, вне которого зоомузеи нашей Родины, и, в частности музеи Краеведения, в самом манящем и общедоступном, привлекательном отделе, именно живой Природы, будут навсегда обречены лишь пробавляться мелкими любительскими суррогатами на возмущение зрителей и лишь на радость **моли** и **кожеедов**.